

ИСТОРИЯ ИДЕИ ЯЗЫКОВОГО УНИВЕРСАЛИЗМА И ПРИРОДНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ ФРАНЦУЗСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

О.А. Турбина

В основу статьи положены результаты проведенного автором исследования исторического развития синтаксической структуры французского классического предложения с XVI по XVIII в. В статье показано, что история формирования французского классического предложения и его грамматических категорий опровергает факт существования универсальных глубинных синтаксических структур, поскольку даже в системе одного только языка сосуществуют два в высокой степени грамматизованных структурных инварианта простого предложения, отражающих два принципиально различных стиля мышления.

Ключевые слова: языковой универсализм, французское классическое предложение, природный порядок слов, грамматизация структуры предложения, синтаксические категории предложения, предикативное ядро, подлежащее, сказуемое, дополнение.

В целом проблема языкового универсализма имеет древние корни: спор «о правильности имен», возникший в эпоху греческой античной классики, переросший во времена Средневековья в спор между номиналистами и реалистами и известный как «спор об универсалиях», через Ренессанс и Новое время переходит в наши дни. Со времен Средневековья языковой универсализм видели в универсальной глубинной (концептуальной) грамматической структуре, общей для всех языков, ибо она, как считалось, обусловлена единообразным устройством логического аппарата. Различия между языками – лишь в их звуковой оболочке. И хотя уже в Новое время появилось предположение, что каждый язык пытается по-своему решить проблему оптимальной экспликации этой структуры, за века идея в принципе не претерпела почти никаких изменений. В разные эпохи делались попытки поиска универсального языка, исчисления универсальных (правильных, природных) грамматических (глубинных) структур, их описания и т. п.

В середине XX столетия с появлением генеративной грамматики, основателем которой является известный американский ученый Н. Хомский, наука о языке вновь столкнулась с выявлением подлинного смысла языкового универсализма. Разработанная Н. Хомским методика анализа глубинных синтаксических структур в настоящее время нередко используется в лингвистических исследованиях. В целом для лингвистики последних десятилетий стало уже традиционным рассмотрение проблем, связанных с определением языкового универсализма, с позиций антропологического подхода. Языковой универсализм связывают с наличием в языковом сознании так называемого «неизменного основания» (*poau fixe*), общего и единообразного для всех людей, на ос-

нове которого формируются и к которому восходят все языковые структуры. Ряд ученых, среди которых особо выделяется известный психолог XX столетия Ж. Пиаже, полагают, что «поиски определения сущности интеллекта и его основных особенностей должны начинаться с описания еще более фундаментальных процессов, существенных для живого в целом, на основе которых возникает интеллект и специфическое сходство с которым он всегда сохраняет» [6, с. 9; 12, с. 14], ибо, как указывает Ж. Пиаже, «когнитивные процессы возникают в ходе – и как следствие – саморегуляции организма, основные механизмы которой они отражают, равно как и расширяют принципы взаимодействия различных органов с внешней средой на весь Универсум, структурируя его в соответствии с этими принципами» [12, с. 49; 4, с. 249].

Поскольку язык является одновременно и продуктом, и творцом интеллекта, система языка в системе сознания выполняет организующую функцию. Естественно, что универсальные для всего живого, в том числе и для человеческого разума, основания должны быть присущи и языку. Но в какой мере?

В языкознании последних десятилетий эта проблема остается открытой. Главным образом дискутируется вопрос о том, являются ли универсальные глубинные структуры врожденными, как традиционно было принято считать, или же они формируются по мере развития речевых навыков.

Эта проблема была рассмотрена нами в диахроническом исследовании на материале синтаксиса французского языка. История формирования на протяжении пяти веков французского классического предложения и его грамматических категорий показала, что **универсальных глубинных синтаксических структур не существует**, ибо даже в системе одного только языка (французского)

классического) сосуществуют два в высокой степени грамматизованных структурных инварианта простого предложения, отражающих два принципиально различных стиля мышления.

Французское классическое предложение – это идеальный образец французского предложения периода расцвета классицизма во всех сферах общественно-культурной и научно-познавательной жизни (ок.1670–1770 гг.). Оно строится по модели S-V-C (S – подлежащее; V – личный глагол; C – дополнение). Общепринятыми характеристиками французского классического предложения являются: прямой (природный) порядок слов, аналитичность, грамматичность, немногословность. По нашим наблюдениям, такие предложения составляют около 86 % от общего количества предложений в текстах литературной прозы конца XVII – начала XVIII в.

Основными этапами развития французского синтаксиса, и синтаксиса предложения в частности, являются старофранцузский и новофранцузский периоды. К концу первого этапа произошло в общих чертах оформление грамматической системы французского языка, предопределившее его выделение из общего ряда романских. Второй этап, новофранцузский, завершился формированием французского классического языка, являющего собой своего рода образец синтаксической грамматичности в рамках европейского языкового мышления, развивавшегося по пути анализа. В этой связи структура французского классического предложения, совершенная в плане выражения, представляет прекрасный материал для анализа языковых реализаций концептуальной категоризации, а именно – для изучения процессов оформления грамматических категорий на уровне синтаксиса предложения. Существенный интерес представляет также анализ самих процессов формирования французского классического предложения, отражающий общие тенденции развития европейского аналитизма, и частные, иногда в значительной степени противоречивые тенденции эволюции внутренней и внешней истории французского языка.

В поисках истоков идеи природного порядка слов исследователи углубляются до I в. до н. э., когда Денис Геликарнасский впервые высказал предположение, что порядок слов эманурует от природы (13, с. 202). Но философские основания природного порядка слов есть уже у Аристотеля, ибо, согласно его учению, строящемуся от материи через форму к вещи, от вещи через образ к представлению и т. д., механизм формирования предложения заключается в оформлении (определении) имени (исходного подлежащего) глаголом, где внутренним импульсом выступает присущая имени лишенность (στερισίς) значения времени.

В эпоху позднего Средневековья идея языкового универсализма с новой силой возрождается в теории модистов, где предложение характеризует-

ся как минимальная полноценная единица языка (perfectio), или совершенный модус обозначения, обусловленный полноценным модусом представления модуса бытия мира. Самой главной заслугой модистов в области теории синтаксиса предложения является то, что на основе парадигмы модусов им удалось не только сформулировать принципы семантического согласования и синтаксических отношений между элементами предложения, но и охарактеризовать концептуальную структуру предложения – perfectio secundum intellectum, которая, согласно модусу обозначения, имеющему онтологический статус, всегда двусоставна и подразумевает в своей схеме концептуальное подлежащее – суппозит (модус обозначения субъекта) и концептуальное сказуемое – оппозит (модус обозначения предиката).

Теория концептуальной структуры предложения, разработанная модистами, была надолго забыта, а вот логико-онтологический принцип объяснения порядка слов был положен в основу схоластического преподавания языков, ибо считалось, что если располагать «части предложения» в естественном порядке, то это будет способствовать, прежде всего, формированию «привычки правильного расположения мыслей», а значит – содействовать совершенствованию логического аппарата (ума). В этой связи можно сказать, что основы европейского аналитического типа мышления были заложены именно в эту пору, когда модистами отшлифовывался аналитический тип фразы, где мысль движется от субъекта-имени через глагол-сказуемое к дополнению.

Отчетливо теория естественного (природного) порядка слов во французском предложении впервые была изложена в грамматике Мегрэ (1550) [11]. К этому времени уже для всех становится очевидным, что порядок S-V-C наиболее типичен для французской фразы, которая, по мнению современников, именно этим выгодно отличается от латинской, ибо природный порядок свойственен и мысли (подчеркнем – методически воспитанный схоластами на основе идеи природного порядка), а значит, именно французская фраза отражает мысль наиболее полно и адекватно. С этого времени природный и рациональный порядок во французском предложении становится воистину предметом национальной гордости: ни одна грамматика XVI–XVIII вв. не обходит вниманием эту тему. В 1660 г. «Грамматика» [7], а в 1662 г. и «Логика» Пор-Рояля [8] провозглашают, что в смысле природного и рационального порядка слов французский язык является образцовым, ибо такой порядок универсален и должен быть свойственен всем остальным языкам. Немного позднее, в 1668 г. Кордемуа (G. de Cordemoy “Discours physique de la parole”), а в 1669 г. ле Лабурер (Le Laboureur “Avantages de la langue françoise sur la langue latine”) указывают на то, что слова должны располагаться в том же порядке, что и мысли, и даже

что этот порядок является истинным порядком восприятия (Cordemoy, 1668, 45; Le Laboureur, 166–167). В частности, Ле Лабуер в своей книге о превосходстве французского над латынью заявляет даже, что римляне говорили не так, как думали, и прежде чем построить латинскую фразу, они как бы составляли в уме «французскую» (Le Laboureur, 149); см. об этом [13, с. 206–207]¹.

В середине XVIII в. грамматическая мысль во Франции переживает период бурного расцвета, а само это теоретическое направление получило позднее название философской классической грамматики. Одним из наиболее известных трудов в этой области является «Logique et principes de grammaire» дю Марсэ (1769 г.), в котором автор углубляет теоретические рассуждения в духе грамматики Пор-Рояля, где была разработана методика анализа предложения на примере фраз со связочным глаголом être (est). В ней явно прослеживаются зачатки современного трансформационного метода: анализ высказывания для дю Марсэ идет от глубинных структур к поверхностным – от логического суждения к конструкции, определяемой как «расположение слов в речи» [10, с. 159, 164]. Н. Хомский, прочтя грамматику дю Марсэ, был поражен тем, что его теория порождающей грамматики не нова и звучит, оказывается, уже в XVIII веке [5, с. 27]. Однако если вспомнить, что авторы Пор-Рояля, вдохновившего дю Марсэ на его эссе, заимствовали идею языкового универсализма у модистов, а те в свою очередь – в античной классике, Н. Хомскому придется признать, что идея гораздо старше, особенно с учетом того, что теория Пор-Рояля в определенном смысле – шаг назад по сравнению с концепцией модистов.

Однако объективная оценка истоков природного порядка слов французского классического предложения требует изучения непосредственного языкового материала.

Итак, в качестве главных критериев естественной (природной) структуры предложения французские грамматисты со времен Средневековья и до эпохи Классицизма называли **1) соответствие движению мысли (S-V-C), 2) двусоставность и 3) контактную препозицию подлежащего относительно глагола**. В XVII в. эти правила обозначены практически во всех грамматических трудах. Для примера процитируем некоторые из них.

1. Ш. Мопя, грамматист-нормализатор, автор первого труда по синтаксису французского языка (Grammaire et syntaxe française – 1607 г.), относительно первого правила писал: «При расположении слов наш язык предпочитает естественный порядок: обычно мы начинаем с номинатива,

стоящего в препозиции к своему глаголу, затем следует аккузатив или датив» [9, с. 250].

2. Авторы Пор-Рояля разъясняя универсальный принцип естественного порядка, указывают, что даже если позиция одного из главных членов предложения остается незаполненной, отсутствующие «части» всегда подразумеваются: «никогда не встречается номинатива, который не был бы связан с некоторым глаголом, выраженным или подразумеваемым», как «не встречается глагола, который не имел бы своего номинатива, выраженного или подразумеваемого», настаивая при этом, что истинно природный порядок требует, чтобы «все части предложения» находили «свое натуральное выражение», когда во фразе «нет ни лишних слов, ни недостающих, короче, когда наша мысль выражена вполне естественным образом» [2, с. 206–209; 7].

3. Настаивая на контактной препозиции подлежащего относительно глагола-сказуемого, Кл. Вожла в вышедших в свет в 1647 г. «Заметках» («Remarques sur la langue française») [14], как и его предшественники, отмечал, что глагол должен следовать непосредственно за подлежащим, которое может быть отделено от него лишь объектным или косвенно-объектным местоимением (*le, la, les, en, y*) или частицами *ne ... (pas)*.

Таким и стало французское классическое предложение в последней трети XVII в., но исторические процессы его формирования восходят к XIV в. К этому времени в системе французского языка обозначились и продолжают развиваться основные предпосылки для грамматизации порядка слов. Как уже отмечалось выше, согласно мнению отечественных и зарубежных ученых к ним относятся: в области фонетики – замена словесного ударения фразовым; в области морфологии: 1) утрата категории падежа в системе имени, процесс унификации глагольных флексий, 2) развитие аналитических способов выражения грамматических категорий имени и глагола; в синтаксисе – замена лексико-морфологических способов выражения синтаксических отношений предложными (см. работы А. Доза, Н.А. Шигаревской, К.А. Аллендорф и др.). Но хотя условия для грамматизации структуры предложения уже сложились, процесс занимает несколько столетий. Тем не менее, уже в XIV в. почти не встречаются конструкции, противоречащие одновременно нескольким критериям природного порядка. Так, случай относительно редкого употребления предложения представляет следующий пример:

En l'an mil trois cens cinquante, fut le plain pardon a Romme et tenoit le siege de Romme pape Clément VIme (Chr. des Valois², p. 18)–1370.

Он интересен тем, что предикативное ядро с инвертированным порядком его компонентов *tenoit (...)* pape Clément VIme имеет интеркаляцию

¹ Ссылки на Кордемуа и ле Лабуера цитируются по: U. Ricken. L'ordre naturel du français. Naissance d'une théorie // La grammaire générale. Des modistes aux idéologues. Présenté par André Joly et Jean Stéfani. Lille: Publ. de l'Université de Lille, 1977. P. 201–216.

² Chronique des quatres premiers Valois. Publ. par S. Luce. P.: F. Didot, 1862. 355 p.

прямого дополнения-имени *le siege de Romme*. Заметим, что интеркаляция возможна здесь лишь в силу лексико-семантических характеристик имени-подлежащего и имени-дополнения. Такая конструкция является исключением даже для XIV в.

В последующие годы (в XV в. и позднее) подобных конструкций во французской прозе нам не встретилось.

В XVI в. позиция подлежащего довольно часто остается невыраженной (ок. 38 % предложений). Характерной особенностью таких конструкций в XIV в. является то, что в них при отсутствии подлежащего прямое дополнение-имя может быть препозитивно по отношению к глаголу:

...*et toute sa viande roial donna as chens...* (Asseneth³, p. 7) – 1333.

Даже если подлежащее в предложении есть, посредством порядка слов оно обозначено лишь в 59 % из этих предложений, что существенно дезорганизует их структуру, тем более, что в XIV в. еще встречаются препозитивные предложные и даже беспредложные имена-дополнения:

...*en Isaac ta semence sera appellée* (Menagier⁴, t. I, p. 83) – 1393.

В более поздние периоды в предложениях с препозицией дополнений, как правило, косвенных, есть подлежащее – личное субъектное местоимение:

De sa beauté j'en sçay de plus belles, comme damoiselle Gillette de Perdrielle, Lienarde, femme Jaquet Mercade, et autres (Nouv. fr. du XV s.⁵, p. 4) – 1465.

Это, пожалуй, одно из немногих, хотя и слабо, но все-таки прогрессирующих изменений в синтаксисе предложения на протяжении XIV–XV вв.

Подавляющее большинство инвертированных подлежащих во французской прозе XIV в. составляют имена существительные: их 96 % от общего количества инверсий подлежащего.

Как правило, инверсии подлежащего встречаются в предложениях, начинающихся с дополнений:

Mès al Lacy avynt le pys (Hist. de F.F. Warin⁶, p. 30) – 1317,

или обстоятельств:

Et après s'en retourna le roy Jahan a Paris... (Chr. des Valois, p. 21) – 1370.

³ Asseneth // Nouvelles françaises en prose du XIVe siècle publ. d'après les manuscrits avec une introduction et des notes par M.M.L. Moland et C.D'Héricault. P.: Chez P. Jannet, 1858. P. 3–12.

⁴ Menagier de Paris, traité de morale et d'économie domestique, composé vers 1393 par un bourgeois parisien. 2 vol. P. 1848.

⁵ Nouvelles françaises du quinzième siècle. P.: Champion, 1908. P. 1–19.

⁶ Histoire de Foulques Fitz Warin // Nouvelles françaises en prose du XIVe siècle publ. d'après les manuscrits avec une introduction et des notes par M.M.L. Moland et C.D'Héricault. P.: Chez P. Jannet, 1858. P. 15–114.

Подобные конструкции с косвенными дополнениями-именами исчезают в начале XVII в.

Следует отметить, что если подлежащее выражено личным местоимением, то оно, как правило, в XIV в. и позднее препозитивно и контактно относительно глагола; лишь 4 % инвертированных подлежащих составляют личные местоимения:

Et pour ce estoit il venu a eulx pour se complandre du tort que Philippe de Valloiz lui en faisoit (Chr. des Valois, p. 7) – 1370.

В XIV в. еще встречаются конструкции с дистантным расположением главных членов предложения с подлежащим – личным местоимением; таких примеров около 2 % от общего количества предложений с местоименными подлежащими:

E yl, a grant joie, la prist, e la dammoyselle ly (Hist. de F.F. Warin, p. 28) – 1317.

В последующие периоды подобных употреблений становится все меньше, они редки уже в XV в., хотя их можно встретить до XVII в.:

Puis elle en sa chambre s'en ala (Nouv. fr. du XV s., p. 7) – 1465.

Позднее подобные примеры почти не встречаются.

В табл. 1 показана тенденция к вытеснению из предикативного ядра с личным субъектным местоимением любых интеркаляций.

Таблица 1

	XIV в.	XV в.	XVI в.
Предложные существительные – косвенные дополнения	+	–	–
Предложные существительные – обстоятельства	+	+	–
Наречия	+	+	+
Отдельные обособленные элементы	+	+	+

Эти данные иллюстрируют тенденцию к стяжению членов предикативного ядра с личным субъектным местоимением.

Оформление предикативного ядра в безличных конструкциях идет значительно быстрее, чем в личных: во-первых, быстрее увеличивается частотность употребления подлежащего, а во-вторых, подлежащее и сказуемое в безличном предикативном ядре всегда контактно.

Употребление подлежащего в предложении на протяжении 300 лет становится все более регулярным. Это происходит прежде всего в силу процессов грамматизации глагольной синтагмы с личным субъектным местоимением: его появление перед глаголом и обуславливает количественный рост подлежащих конструкций (табл. 2).

В целом к концу XVI в. позиция подлежащего остается незаполненной в 22 % предложений.

Таблица 2

	XIV в.	XV в.	XVI в.
Количество предложений с подлежащим от общего количества предложений в тексте	62 %	68 %	79 %
Количество местоименных подлежащих от общего количества предложений	27 %	55 %	73 %
Употребление субъектного местоимения в личных конструкциях (100 % = конструкции без подлежащего + конструкции с личным субъектным местоимением)	30 %	54 %	78 %
Употребление субъектного местоимения в безличных конструкциях	52 %	71 %	77 %

Итак, в доклассическом французском идут процессы:

1) закрепления позиции подлежащего и формирования грамматической категории подлежащего, проявляющееся в появлении субъектных местоимений в контактной препозиции относительно глагола и в закреплении позиции подлежащего имени перед глаголом;

2) грамматического оформления позиции дополнения-имени, заключающиеся в его смещении в постпозицию относительно глагола.

Категория подлежащего, воплощающаяся во французском классическом в приглагольных субъектных местоимениях, – это максимально абстрагированный результат предельного обобщения всех возможных субъектов. В силу высокой степени регулярности употребления грамматического подлежащего в любой конструкции, которой дается статус высказывания, французское классическое предложение, являясь наиболее грамматизованным предложением номинативного строя, «впервые во всей истории мышления перестает быть безличным предложением», ибо такая форма предложения⁷ свидетельствует о том, что «субъект целиком отражен в мышлении так, что в нем ничего не оставлено слепо-чувственного, животно-инстинктивного и недифференцированного» [3, с. 341].

Формирование грамматической категории дополнения (прямого, косвенного и обстоятельственного) во французском предложении – это еще более интересный и значимый в теме языкового универсализма процесс.

Следует особо отметить заметную в доклассический период **традицию ставить перед глаголом любой зависимый от него член**: дополнение, обстоятельство, выраженное предложным или беспредложным существительным или наречием. В силу этого более самостоятельное синтаксически подлежащее вытесняется в постпозицию относительно глагола (чем и обусловлены, возможно, распространенные в этот период инверсии), либо оттесняется от глагола другими более зависимыми от него членами. Такая возможность в более ранние периоды (в старофранцузском и раньше) была обусловлена флективными формами имен – под-

лежащего и дополнений, – а также морфологией глагола, позволявшей обозначить синтаксические отношения между членами предикативного ядра морфологически, т. е. принципиально иным способом, нежели в более поздние периоды, когда в силу утраты флективных форм ведущую роль начинает играть структурно-синтаксический фактор – порядок слов.

Немаловажную роль в формировании структуры французской фразы имеет также общая для ряда европейских языков тенденция глагола к развитию функции синтаксического развертывания, в силу которой он стремится переместиться в центр предложения. Примечательно, что контактную препозицию относительно глагола в ранние периоды занимало часто имя-дополнение (прямое, косвенное или обстоятельственное), оттесняя имя-подлежащее в глагольную постпозицию:

et en la destre partie de cel estre estoit une fontaine vive (Asseneth, p. 4) – 1333;

или в дистантную препозицию:

La dame e ces fyles en la tour veient lur seigneur (Hist. de F.F. Warin, p. 31) – 1317.

В среднем имя-дополнение или обстоятельство в начале XIV в. располагалось в контактной препозиции относительно глагола-сказуемого в 25,7 % от общего числе предложений. Если учесть, что имя-подлежащее в такой же позиции встречается в это время всего в 31,2 % от общего количества предложений в тексте, то процентный состав предложений с порядком С-V (где подлежащее, если оно есть, находится за пределами этой группы) можно считать очень высоким.

При рассмотрении факторов, оказавших влияние на формирование категории дополнения, важно принять во внимание и то, что традиция ставить синтаксически зависимый член впереди главного сохранилась для тех частей речи, которые не утратили прежнюю морфологию. Это падежные формы местоимений и местоименных наречий, или собственно частиречные формы, указывающие на синтаксическую функцию (например, наречия), и, следовательно, способствующие их противопоставлению подлежащему, ибо формированием морфосинтаксической парадигмы втростепенных членов предложения руководит принцип их противопоставления подлежащему. Именно этим и объясняется факт сохранения в

⁷ Речь идет о появлении грамматического подлежащего в конструкциях типа *il pleut*.

предикативном ядре интерпозитивных наречий до наших дней, в то время как интеркаляция беспредложных имен-дополнений становится архаичной уже в XIV–XV вв., несмотря на то, что в этот период в количественном отношении их употребление несколько превышает интеркаляции наречий.

Этим же, наряду с факторами, о которых речь пойдет ниже, объясняется и грамматизация порядка S-C-V для предложений с местоименными членами. В то время как имена существительные-дополнения, утратив падежные флексии, определяющие их функцию в предложении, оттеснились в постпозицию к глаголу, объектные местоимения, сохранив свои формы, остались на прежнем месте – перед глаголом. Это обстоятельство способствовало, в свою очередь, грамматизации объектных местоимений, оформивших категорию дополнения во французском классическом предложении.

На основании синтаксической регулярности приглагольных объектных местоимений в текстах доклассического периода можно сделать вывод о том, что категория дополнения во французском предложении грамматически оформилась уже к концу XIV в.

Интересен тот факт, с очевидностью проявляющийся начиная с XVI в., что позиция подлежащего остается незаполненной преимущественно перед глаголом с приглагольным объектным местоимением:

Somme, que je voy un abysme de science: car, doresnavant que tu deviens homme et te fais grand, il te faudra yssir... (Rabelais, p. 5) – 1532.

В этом примере, который, по нашему мнению, достаточно наглядно отражает положение вещей в XVI в., из четырех предикативных групп: *je voy, tu deviens, te fais, il te faudra* – только в одной нет подлежащего, но есть объектное местоимение. В последней предикативной группе, где также есть приглагольное объектное местоимение, позиция подлежащего обозначена в силу высокой степени субъектной категоризации безличного местоимения *il*.

В первой половине XVII в. эта особенность становится все более явной: заполнение приглагольной позиции подлежащего обратно пропорционально заполнению приглагольной позиции дополнения объектным местоимением, что свидетельствует о более древней связи (опоре) глагола с дополнением, чем с подлежащим. Степень дистантности членов предикативного ядра непосредственно зависит от употребления перед глаголом объектного местоимения: в среднем в I половине XVII в. в предложениях с громоздким интеркалированным элементом глагол имеет синтаксическую опору на объектное местоимение на 18 % чаще, чем в предложениях с интеркаляцией отдельного слова. В целом же в XVII в. глагол употреблен с объектным местоимением в 46 % предложений с дистантными членами предикативного ядра:

Les Anglais, qui avoient chassé leur roi, pour prétexte de défendre et concerner leur religion, la voyoient changer en tièrement (La Fayette. Mem.⁸, p. 100).

Итак, конструкция S-C-V отражает архаичную традицию ставить зависимый от глагола член впереди него. При этом более окказиональный местоименный член в конструкции вклинивается между глаголом и остальными членами: *je dis, je le dis, je le lui dis* и т. д. Таким образом, предложение (предикативное ядро) с местоименными элементами, строящееся по модели S-C-V, представляет собой **результат эволюции латинского предложения**, претерпевшего предельную обобщенность и десемантизацию своих членов до уровня грамматических категорий. В ней запечатлено и архаическое падежное различие между подлежащим и дополнениями, по которому происходило их функциональное противопоставление, развившееся со временем в категоризацию.

Что касается порядка S-V-C, то он был признан природным согласно бытовавшему со времен модистов представлению о линейной последовательности суждения (мысли), расчленяющего цельное представление на субъект, объект и предикат, к которым восходят категории подлежащего, дополнения и сказуемого. Сформулированное модистами универсальное правило построения предложения, согласно которому движение в нем осуществляется глаголом-сказуемым, исходит из подлежащего, своего источника и начала, и заканчивается в дополнении – в своей конечной цели и завершении, опирается на анализирующую мысль, вычленяющую из универсума-Пространство активного субъекта-деятеля, воздействующего на пассивный объект с включением этого действия во Время. «Субъект – его действие – объект» – такой вид обретает пропозиция в языковом мышлении, продвигающемся в своем развитии по линии логического анализа. В более ранние периоды, когда категории субъекта и объекта еще не достигли такого полярного антагонизма, пропозиция строилась по типу «субъект – объект – их взаимодействие», к которому и восходит более древний порядок слов S-C-V. В данной структуре нетрудно узнать типичную для латыни рамочную конструкцию предложения. Во французском варианте она достигает высокой степени формализации. Кроме всего прочего, эта структура являет свидетельство того, как на подсознательном уровне языковое мышление противится методически навязываемому ему «природному» порядку, сохраняя архаичный строй. В качестве свидетельства приведем наблюдения Т.Б. Алисовой, которая заметила, что распространенность порядка (S)-V-C в латинских текстах, близких к разговорному языку, хотя и свидетельствует о стилистической дифференци-

⁸ Mme de La Fayette. Mémoires de la Cour de France pour les années 1688 et 1689. P.: Edition Galie, 1962. 175 p.

ции двух моделей – традиционной классической S-C-V и более аналитической разговорной S-V-C, количественное преобладание фраз с латинским порядком слов S-C-V в языке Плавта, Теренция и др. не позволяет рассматривать S-C-V как искусственную конструкцию письменной классической латыни и устанавливать единые общечеловеческие образцы «естественного» хода мысли в порядке S-V-O как независимые от языковой формы, ибо латинская норма (S)-C-V была, несомненно, свойственна также и разговорному народному языку [1, с. 287–288].

Итак, мы подходим к тому, чтобы выразить сомнение по поводу идеи, что порядок S-P-O, к которому восходит порядок S-V-C, является универсальным в том смысле, что он соответствует движению мысли, и потому к его установлению неизбежно стремятся все языки. С позиции интегрирующего (категориального и одновременно синтезирующего, обобщающего) мышления порядок S-C-V должен быть признан более совершенным, ибо на новом витке своего развития (во французском классическом) он подразумевает более гибкое, диалектическое субъект-объектное членение универсума, отражающее в большей степени взаимосвязи субъекта и объекта, чем их оппозицию. Для защиты выдвинутого предположения может служить тот факт, что именно порядок S-C-V во французском классическом синтаксисе достиг уровня грамматической категоризации, что является признаком универсальности на уровне под-сознания.

Порядок S-V-C представляет собой структурный инвариант для предложений с именными актантами, прежде всего – с дополнением-именем. Он также, хотя и в значительно меньшей степени, чем порядок S-C-V для местоименных элементов, претерпел грамматизацию, которой способствовали в своей совокупности факторы системно-языкового и онтолого-когнитивного характера, включая обозначившийся уже в эпоху позднего Средневековья мощный фактор осознанного языкового регулирования, определивший языковую политику и оказавший существенное влияние на развитие национального языкового сознания. Этот серьезный фактор был силен настолько, что в довольно короткое время, всего за 300–400 лет, под влиянием культа «природного порядка» принципиально перестроилась структура французской фразы, оказав в свою очередь заметное влияние на развитие европейского аналитического мышления.

И все-таки местоименное дополнение, вопреки «природному порядку», осталось на прежнем месте, перед глаголом. Почему? – Потому что к тому времени, когда в умах созрел культ «природного порядка», и когда идея достигла стадии осознанной необходимости, объектное местоимение **уже было приглагольно**, т. е. его употребление было регулярно и уже в полной мере неосознанно,

иными словами – оно **уже было грамматизовано**. Субъектная грамматизация, как было показано выше, в силу отставания от объектной не повлекла за собой переоформление структуры предложения с приглагольными объектными местоимениями.

Очевидно, что смысл языкового универсализма нужно искать в другой области.

Являясь высокоразвитым инстинктом, человеческий интеллект осуществляет функцию, общую для всего живого в целом – функцию адаптации к среде. Она заключается в том, что интеллект, приспособляясь, ассимилирует среду, т. е. создает когнитивные структуры, в принципе аналогичные структуре собственной: «...вместо того, чтобы пассивно приспособляться к среде, модифицирует ее, навязывая ей себе подобную структуру» [12, с. 14]. Эту способность человеческого интеллекта не отрицает и Н. Хомский, отмечая, что существуют врожденные **способности**, в высокой степени специфические, определяющие развитие когнитивных структур. Действительно, такие способности присущи человеку изначально и вряд ли можно это отрицать, и в споре относительно врожденности универсального «неизменного основания» правота в равной мере принадлежит и Ж. Пиаже, и Н. Хомскому, поскольку врожденными являются по сути фундаментальные **принципы** формирования «неизменного основания». Если под «неизменным основанием» понимать эти принципы, то можно считать, что прав Н. Хомский; но если в данном определении сместить акцент на **формирование** этих принципов, то правоту следует признать за Ж. Пиаже.

Следовательно, природа языкового универсализма восходит к общим для всего живого принципам бытия. Как этим принципам подчиняется естественный человеческий язык, и как они преломляются в системе отдельного языка еще только предстоит установить.

Литература

1. Алисова, Т.Б. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. – М.: Высш. шк., 1988.
2. Арно, А. Грамматика общая рациональная грамматика Пор-Рояля / пер. с фр. Н.Ю. Бокаторовой / А. Арно, Кл. Лансело. – М.: Наука, 1990.
3. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
4. Турбина, О.А. Формирование французского классического предложения: системный и структурный аспекты / О.А. Турбина. – Челябинск, 1994.
5. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М.: Изд-во МГУ, 1972.
6. Цехмистро, И.В. Поиски квантовой концепции физических оснований сознания / И.В. Цехмистро. – Харьков: Вища школа, 1981.
7. Arnauld, A. Grammaire générale et rai-

sonnée / A. Arnauld, Cl. Lancelot. – Bruxelles: Fricx, 1676.

8. Arnauld, A. *La logique ou l'art de penser, contenant, outre les règles communes, plusieurs observations nouvelles, proposes a former le jugement* / A. Arnauld, P. Nicole. – 8e éd. revue. – Paris, 1750.

9. Maupas, Ch. *Grammaire et syntaxe française* / Ch. Maupas. – Paris: A. Bacot, 1625.

10. Du Marsais, C.Ch. *Logique et principes de grammaire* / C.Ch. Du Marsais. – Paris: Chez Briasson, Le Breton, Herissant Fils, 1769.

11. Meigret, L. *Le tretté de la grammere fran-*

çoeze. Nach der einzigen pariser Ausgabe (1550) / L. Meigret. – Henninger, 1888.

12. Piaget, J. *La psychologie de l'intelligence* / J. Piaget. – Paris: Armand Colin, 1967.

13. Ricken, U. *L'ordre naturel du français. Naissance d'une théorie // La grammaire générale. Des modistes aux idéologues. Présenté par André Joly et Jean Stéfani. Lille: Publ. de l'Unioversité de Lille, 1977. – P. 201–216.*

14. Vaugelas, Cl. *Remarques sur la langue française (extraits). Publ. et comm. de René Lagane / Cl. Vaugelas. – Paris: Larousse, 1969.*

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей лингвистики, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), toa371@mail.ru.

Поступила в редакцию 8 мая 2014 г.

**Bulletin of the South Ural State University
Series "Linguistics"
2014, vol. 11, no. 2, pp. 25–33**

HISTORY OF LANGUAGE UNIVERSALISM CONCEPTION AND NATURAL WORD ORDER IN A CLASSICAL FRENCH SENTENCE

O.A. Turbina, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, toa@susu.ac.ru

The article is based on the analysis of the syntactic structure of a classical French sentence through its historical development (XVIth – XVIIIth centuries). The author states that the history of forming a classical French sentence and its grammatical categories disproves the existence of universal deep syntactic structures as in the system of one language there co-exist two grammaticalized invariants of the simple sentence reflecting two fundamentally different modes of thinking.

Keywords: language universalism, classical French sentence, natural word order, grammaticalization of the sentence structure, syntactic categories of the sentence, predicative line, subject, predicate, object.

References

1. Alisova T.B., Repina T.A., Tariverdieva M.A. *Vvedenie v romanskuyu filologiyu* [Introduction to Romance Philology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1988.
2. Arnauld A., Lancelot Cl. *Grammatika obshchaya ratsional'naya grammatika Por-Royalaya* [Grammaire générale et raisonnée]. Moscow, Nauka Publ., 1990.
3. Losev A.F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow, Moscow State University Publ., 1982.
4. Turbina O.A. *Formirovanie frantsuzskogo klassicheskogo predlozheniya: sistemnyy i strukturnyy aspekty* [Formation of the Classical French Sentence: Systemic and Structural Aspect]. Chelyabinsk, 1994.
5. Chomsky N. *Yazyk i myshlenie* [Language and Mind]. Moscow, Moscow State University Publ., 1972.
6. Tsekhmistro I.V. *Poiski kvantovoy kontseptsii fizicheskikh osnovaniy soznaniya* [In the Search of Quantum Ideas of Physical Foundations of Consciousness]. Khar'kov, Vishcha Shkola Publ., 1981.
7. Arnauld A., Lancelot Cl. *Grammaire générale et raisonnée*. Bruxelles, Fricx, 1676.
8. Arnauld A., Nicole P. *La logique ou l'art de penser, contenant, outre les règles communes, plusieurs observations nouvelles, proposes a former le jugement*. 8e éd. revue. Paris, 1750.
9. Maupas Ch. *Grammaire et syntaxe française*. Paris, A. Bacot, 1625.

10. Du Marsais. *Logique et principes de grammaire*. Paris, Chez Briasson, Le Breton, Herissant Fils, 1769.
11. Meigret L. *Le tretté de la grammere françoese. Nach der einzigen pariser Ausgabe (1550)*. Henninger, 1888.
12. Piaget J. *La psychologie de l'intelligence*. Paris, Armand Colin, 1967.
13. Ricken U. *L'ordre naturel du français. Naissance d'une théorie // La grammaire générale. Des modistes aux idéologues*. Présenté par André Joly et Jean Stéfanini. Lille: Publ. de l'Unioversité de Lille, 1977. P. 201–216.
14. Vaugelas Cl. *Remarques sur la langue française (extraits)*. Publ. et comm. de René Lagane. Paris, Larousse, 1969.

Olga A. Turbina, Ph.D., professor, head of the General Linguistics Department, South Ural State University (Chelyabinsk), toa@susu.ac.ru.

Received 8 May 2014